

Сергеенко Петр Алексеевич

Искатели клада

Сцены из деревенской жизни

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
ПЗ0

ПЗ0 **Петр Алексеевич С.**
Искатели клада: Сцены из деревенской жизни / Сергеенко Петр Алексеевич – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 162 с.

ISBN 978-5-519-85442-9

ISBN 978-5-519-85442-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ею въ качествѣ лучинѣ. Макъ погоревалъ немного и успокоился, не думая болѣе ни о смертоносномъ ядѣ, ни о флигелѣ. Мечты его приняли иное направление.

Юленька, учившаяся въ городѣ въ женской прогимназіи и пріѣзжавшая въ *Запруды* только въ каникулярное время, не могла равнодушно и смотрѣть на запрещенный флигель. И, проходя мимо флигеля, всегда задерживала шаги и поднималась на носкахъ, чтобы забросить пытливый взглядъ въ таинственныя окна.

Аптечный флигель казался ей чѣмъ-то въ родѣ заколдованнаго замка, наполненнаго разными чудесами. А Юленька была большой охотницей до всего чудеснаго. Правда, она была большой охотницей и до всякихъ лакомствъ. Но справедливость требуетъ сказать, что даже таинственная кладовая съ длиннымъ рядомъ банокъ, наполненныхъ всякими сиропами и вареньями, все же менѣе занимала Юленьку, чѣмъ аптечная комната съ ея загадочными ящиками и склянками. Пылкому воображенію Юленьки часто рисовались чудодѣйственныя снадобья, при помощи которыхъ можно бы совершать всевозможныя превращенія. Особенно занималъ Юленьку процессъ приготовленія лѣкарствъ. Однажды она видѣла, какъ отецъ смѣшивалъ двѣ безцвѣтныхъ жидкости, и онѣ принимали то красный, то фіолетовый цвѣтъ. Просто чудеса, да и только!

Правда, отецъ какъ-то объяснялъ Юленькѣ, что цвѣтъ жидкости мѣняется, смотря по тому, чѣмъ разбавляется извѣстная жидкость—кислотою или щелочью. И Юленька все время, пока отецъ давалъ объясненіе, утвердительно кивала головою. Дескать, все это такъ понятно. Въ сущности же всѣ „кислоты“ и „щелочи“ казались Юленькѣ таинственными силами, принявшими жидкое состояніе. И, чтобы хорошенько провѣрить все это, Юленька однажды спросила отца:

— Папочка, почему если подлить „щелочи“, то одна жидкость краснѣетъ, а другая синѣетъ?

— А потому, что таково свойство тѣхъ жидкостей,—отвѣтилъ докторъ.

— А почему у нихъ такое свойство?

Докторъ, всегда торопившійся куда-нибудь, отложилъ болѣе подробное объясненіе до другого раза. Юленька задумалась: почему отецъ не открываетъ ей тайнъ природы? Навѣрно, онъ думаетъ, что она не пойметъ всего? Ахъ, какъ ошибается онъ! Вѣдь, *не даромъ же* она считается одной изъ *лучшихъ ученицъ* въ Эн—ской прогимназіи. Вообще напрасно, совершенно напрасно, не позволяютъ ей посѣщать аптечнаго флигеля. Она могла бы быть очень и очень полезна отцу и наукѣ. Особенно интересовали ее „медицинскіе опыты“.

Вѣдь если смѣшивать,—думала Юленька,—различныя лѣкарства, то такъ, то этакъ, то еще какъ-нибудь иначе, то, въ концѣ концовъ, можетъ же

получиться какое-нибудь чудесное средство, еще неизвѣстное никому изъ смертныхъ. Можно, напри-мѣръ, открыть волшебныя капли, которыя момен-тально уничтожали бы всякую болѣзнь. Конечно, отцу, вѣчно разъѣзжающему, некогда заниматься подобными научными опытами. Но она отлично могла бы все это сдѣлать. И кто знаетъ? Можетъ быть, она прославила бы фамилію Григорьевыхъ на всю вселенную?..

Юленька вообще любила мечтать о всемірной извѣстности. Увы, ея мечтанья не встрѣчали сочув-ствія въ домѣ Григорьевыхъ. Напротивъ, даже осмѣ-ивались иногда. И Макъ, напри-мѣръ, съ кото-рымъ Юленька часто находилась какъ бы на воен-номъ положеніи, не пропускалъ ни одного случая, чтобы не потрунить какъ-нибудь надъ нею по по-поводу ея фантазировацій. Юленька иногда не вы-держивала и выходила изъ себя. Но чаще умѣла обезоружить своего противника какимъ-нибудь со-вершенно неожиданнымъ оборотомъ рѣчи:

— Макъ, ты уже лучше молчи,—говорила много-значительно Юленька, лукаво играя карими бле-стѣвшими глазками,—ужъ лучше помалкивай. А то, если я расскажу Катѣ, что съ тобой вчера было послѣ обѣда...

Макъ багровѣлъ, пыхтѣлъ и замолкалъ. Юленька встряхивала воображаемыми кудрями и побѣдоносно возглашала:

— То-то же!

Вообще, она не задумывалась при стычкахъ съ Макомъ и прибѣгала къ различнымъ средствамъ, чтобъ осадить его, когда онъ начиналъ „запускаться“.

Будучи старше Мака и опытнѣе его въ русскомъ языкѣ, Юленька и съ этой стороны иногда изрядно-таки донимала строптиваго брата, которому никакъ не давались нѣкоторыя выраженія. Такъ, вмѣсто: „если“ и „развѣ“ онъ въ пылу бесѣды часто произносилъ, „эсли“ и „равзѣ“. Досаждало Мака въ подобныхъ случаяхъ то обстоятельство, что Юла пряталась за этими пустыми придирками и не относилась серьезно къ сути дѣла. Полный негодованія Макъ начиналъ, бывало, какой-нибудь горячій споръ и нечаянно оговаривался: „эсли“. И вотъ вмѣсто того, чтобъ отвѣчать ему прямо, Юла закидывала руки назадъ и спрашивала съ лукавой гримасой:

— „Эсли“?

Макъ пробовалъ обойти трудное словечко и замѣнить его другимъ. Но Юла не давала ему передышки.

— „Эсли“?..

Макъ терялъ почву подъ ногами и отступалъ съ поля сраженія. Подобныя стычки между Юленькой и Макомъ повторялись каждый день, „черезъ часъ по столовой ложкѣ“, какъ выражался ихъ отецъ.

Но однажды произошло одно знакомство, кото-

рое въ значительной степени объединило и Юленьку, и Витю, и Мака.

По сосѣдству съ Григорьевыми находилась запущенная усадѣбка, принадлежавшая сыну умершаго діакона, Александру Ивановичу Македонскому; онъ занимался рыболовствомъ, охотой, починкой музыкальныхъ инструментовъ, дрессировкой собакъ и всѣмъ, чѣмъ угодно, кромѣ дѣла, требовавшего постоянно усиленнаго и систематическаго труда.

Это былъ худощавый человѣкъ, лѣтъ 35, ходившій постоянно въ куцой венгеркѣ съ порыжѣвшими шнурами. Онъ считался въ *Запрудахъ* первымъ стрѣлкомъ, первымъ музыкантомъ и первымъ фантазеромъ. Григорьевымъ не понравился ихъ сосѣдъ съ первой же встрѣчи. Но на дѣтей доктора своеобразныя манеры и живописный видъ охотника произвели неотразимо-привлекательное впечатлѣніе. Особенно была восхищена Юленька, когда узнала фамилію охотника. Шутка ли сказать: *Александръ Македонскій!!*... Ради одного этого великаго имени можно все простить человѣку.

И въ пылкомъ воображеніи Юленьки нарисовалась картина, когда, пріѣхавъ послѣ каникулъ въ городъ, она провозгласитъ на весь классъ:

— *Я познакомилась лѣтомъ съ Александромъ Македонскимъ!..*

Можно вообразить, какой переполохъ произойдетъ въ классѣ! А несносная кривляка, Варя Ду-

бинина, послѣ этого, навѣрно, лопнетъ съ досады и перестанетъ чваниться тѣмъ, что она знакома съ какимъ-то графомъ. Что значить какой бы то ни было „графъ“ въ сравненіи съ *Александромъ Македонскимъ*?!

И, увидавъ однажды у изгороди сада знаменитаго героя, который искусно подражалъ крику перепела, Юленька вспыхнула отъ удовольствія. Александръ Ивановичъ замѣтилъ Юленьку и пріятельски крикнулъ ей:

— Бонжуръ, барышня!

Юленька подошла къ охотнику и сдѣлала реверансъ, но, замѣтивъ у изгороди пѣгую собаку съ отвислыми щеками и воинственно поднятымъ хвостомъ, Юленька испуганно попятилась. Собака заворчала и сдѣлала движеніе къ Юленькѣ. Александръ Ивановичъ внушительно крикнулъ:

— Бисмаркъ, смирррно!

Собака послушно приблизилась къ охотнику и начала заискивающе тереться о его порыжѣвшее голенище. Но онъ не удовлетворился этимъ и гаркнулъ:

— Бисмаркъ, кушъ!..

Собака вильнула хвостомъ, прижала уши и вытянулась у ногъ хозяина.

— Умри!..—Закричалъ охотникъ, прикасаясь къ собакѣ носкомъ сапога.

Собака закрыла глаза и сдѣлалась неподвижной. Юленька пришла въ восхищеніе.

Въ это время къ изгороди подбѣжали Макъ и Витя и съ пугливымъ недоумѣніемъ остановились, увидѣвъ лежавшую собаку у ногъ охотника. Юленька покровительственнымъ тономъ доброй учительницы объяснила братьямъ смыслъ непонятной сцены. Мальчики пришли въ восторгъ.

Но это были цвѣточки. Александръ Ивановичъ толкнулъ ногою собаку и предложилъ дѣтямъ прыгать черезъ нее, бросать въ нее комья земли, сучья и даже дергать за хвостъ. *Бисмаркъ* не шелохнется.

Отъ послѣдняго опыта дѣти уклонились. Но изрядно кричали на *Бисмарка* и пробовали издали бросать на него мелкія вѣточки, траву и землю. *Бисмаркъ*, дѣйствительно, не шевелился и казался трупомъ. Макъ не выдержалъ и спросилъ съ волненіемъ:

— Вы и нашу *Мульку* можете научить *всему этому*?

Охотникъ загадочно улынулся.

— А почему нѣтъ? Я какую угодно собаку могу заставить выдѣлывать, что хотите. Накажи меня Богъ!.. Да что собака? Собака—умная тварь. Умнѣе человѣка. А вотъ я разъ выдрессировалъ... поросенка... Да такъ его вышколилъ, что онъ по моему знаку могъ „чижика“ выхрюкивать. Накажи меня Богъ!.. Весь уѣздъ съѣзжался смотрѣть на этого поросенка. Полиція даже слѣдствіе дѣлала, нѣтъ ли тутъ какого-нибудь обмана. Но потомъ убѣдилась,

что все это мое искусство и больше ничего. Хотѣли мнѣ даже аттестатъ за это выдать. Но я отказался. Зачѣмъ мнѣ аттестатъ?

Послѣ этого заявленія дѣти прониклись къ Александру Ивановичу чувствомъ, близкимъ къ обожанію, и ушли домой, обвороченныя его личностью.

На другой день охотникъ угостилъ дѣтей Григорьевыхъ новымъ представленіемъ, заставляя *Бисмарка* вертѣться волчкомъ, прыгать черезъ поднятую охотникомъ ногу и продѣлывать многія другія уморительныя штуки. Дѣти были въ восторгѣ и, подталкивая другъ друга, смотрѣли на Александра Ивановича, какъ на чудо природы. Но онъ общалъ имъ показать еще болѣе удивительныя вещи, попросивъ ихъ принести ему „на всякій случай“ газетъ для пыжей и папиросной бумаги для куренія. Дѣти были восхищены и тѣмъ, что видѣли, и тѣмъ, что могутъ хоть въ слабой степени отблагодарить знаменитаго охотника за доставленное удовольствіе.

На другой день, при свиданіи съ Александромъ Ивановичемъ, Макъ не могъ преодолѣть напора волновавшихъ его мыслей и спросилъ:

— А гдѣ теперь тотъ поросенокъ?

Охотникъ недоумѣвающе поднялъ свои торчащія усиками брови.

— Какой поросенокъ?

— А тотъ, что вы вчера рассказывали?.. Что выхрюкивалъ...

— Персидскій маршъ?

— Вы говорили „чижика“.

— Ну, да: и „чижика“, между прочимъ, и персидскій маршъ... Поросенокъ тотъ теперь тово—тю-тю! Его съѣли.

— Кто?

— Кто съѣлъ? А мои друзья-пріатели.

Это извѣстіе сильно огорчило Мака. Такого отношенія къ дрессированному поросенку онъ никакъ не ожидалъ отъ знаменитаго охотника. Но Александръ Ивановичъ, какъ бы угадавъ тайныя мысли Мака, далъ такое объясненіе:

— Я тысячи рублей серебромъ не взялъ-бы за того поросенка. Накажи меня Богъ, не взялъ бы... Но нашъ писарь и урядникъ прямо-таки проходу не давали мнѣ. Все приставали: „Угости да угости дрессированнымъ поросенкомъ“. И такъ разъ пристали, что не было никакой физической возможности отвязаться отъ нихъ. Тогда я махнулъ рукою и сказалъ: „Ну, пускай ужъ будетъ по вашему“. И пожертвовалъ поросенкомъ ради дружбы.

Этотъ рассказъ рисовалъ дѣло въ совершенно другомъ свѣтѣ. И Макъ вернулъ Александру Ивановичу полностью всѣ свои симпатіи.

II.

Прошло двѣ недѣли. Завязавшаяся дружба между Александромъ Ивановичемъ Македонскимъ и дѣтьми

Григорьевыхъ съ каждымъ днемъ все усиливалась и крѣпла. Дѣти ожидали условленнаго свиданія у изгороди сада, какъ праздника. Особенно сильно увлекалась героической личностью Александра Македонскаго Юленька. Высоко цѣнилъ героя и Макъ. Но Юленька ставила на первомъ планѣ геній Александра Ивановича, Макъ же преимущественно—геройство.

Справедливость требуетъ, однако, сказать, что охотникъ всячески и неуклонно поддерживалъ интересъ къ своей личности, изумляя всякій разъ дѣтей какими-нибудь новыми представленіями и разсказами. При этомъ всякое свиданіе обыкновенно кончалось какой-нибудь просьбой со стороны Александра Ивановича: принести ему „на всякій случай“, какъ онъ говорилъ то бумаги, то спичекъ, то еще чего-нибудь. Но это еще больше сближало дѣтей съ охотникомъ. И они по цѣлымъ часамъ слушали его съ разинутыми ртами. Захватывающій интересъ свиданій заключался отчасти въ ихъ таинственности, но, главнымъ образомъ, въ неистощимомъ разнообразіи талантовъ Александра Ивановича. То онъ показывалъ различные „фокусы“ съ помощью *Бисмарка*, то мастерски игралъ на приносимой гитарѣ, то пѣлъ пѣсни съ уморительными вставками и припѣвами, то неожиданно переворачивалъ гитару во время игры и, не нарушая ритма, ударялъ себя по колѣнямъ, по локтямъ и даже по лбу.